

пуа-Ковийай) и в Малакку. Короткие записи из дневников, относящиеся к этому времени, говорят об истинном мужестве и гуманности — характерных чертах ученого, об огромной силе воли исследователя, постоянно побеждавшего приступы изматывающей лихорадки и отправлявшегося в такие районы, куда не ступала еще нога белого человека.

В эти годы Н. Н. Миклухо-Маклай добровольно принимает на себя тяжелую роль защитника прав коренного населения Океании от эксплуатации со стороны представителей европейских государств. В 1876 г. он пишет: «Во время путешествия (по островам Микронезии.— *Л. Р.*) мне много раз приходилось видеть бесчестную эксплуатацию, которой подвергаются туземцы со стороны белых, и я намерен представить краткое изложение тех доходящих до преступления несправедливостей, которых мне пришлось быть невольным свидетелем».

Кроме образцов одежды, утвари, раковинных и каменных денег, о которых образно писал путешественник, здесь экспонирована небольшая деревянная фигурка — образец давно уничтоженной микронезийской скульптуры.

В том же 1876 г. Н. Н. Миклухо-Маклай вновь посетил берег Маклая. «Я обещаю им вернуться, когда узнаю, что возвращение мое может быть для них полезным... и возвращаюсь в Новую Гвинею не единственно, как естествоиспытатель, но также как «покровитель» моих черных друзей берега Маклая», имея в виду нависшую над ними угрозу захвата земель Германией и Англией. Коллекцию, привезенную из этого путешествия, украшает сделанный ученым цветной рисунок, на котором изображен участник праздника «Ай» (рис. 3).

В 1879 г. Н. Н. Миклухо-Маклай совершает путешествие по островам Меланезии, чтобы, — пишет он в своем дневнике, — познакомиться с теми островами, которые остались ему еще неизвестны. Из большого числа характерных этнографических предметов, собранных им во время поездки, особенно интересны легкая деревянная маска с о-вов Новые Гебриды (рис. 2) и большая ритуальная белая фигурка «кулаб», изготовленная на о. Новая Ирландия в память об умершем (рис. 3).

Чтобы воспрепятствовать английской карательной экспедиции совершить жестокую расправу над папуасами за убийство пяти миссионеров, Н. Н. Миклухо-Маклай предпринимает в 1880—1881 гг. путешествие на юго-восточный берег Новой Гвинеи и своим быстрым, решительным и умным вмешательством предотвращает ее. В письме, написанном ученым 24 августа 1882 г., читаем: «План мой вполне удался. Вместо сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей все ограничилось несколькими убийствами в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением бывшей его хижины».

Исследуя жизнь и обычаи папуасов, Миклухо-Маклай уделял много внимания изучению татуировки и сделал большее количество рисунков. На выставке можно увидеть инструменты, с помощью которых производилась эта операция. С интересом познакомятся посетители выставки и с традиционным оружием папуасов — «коро» (копье с петлей), применяемым в охоте за головами.

Заканчивается выставка экспонатами, рассказывающими о разносторонней научной деятельности Миклухи-Маклая в последние годы его жизни, проведенные в Австралии и Петербурге.

Эпилогом выставки служит выдержка из письма Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю:

«Насколько мне известно, Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе обидительное существо, в общении с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой... Ваш опыт с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству».

Л. Г. Розина

КАВКАЗСКИЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Внимание научной общественности Кавказа с 5 по 15 апреля 1971 г. было приковано к проходившему в г. Махачкале Кавказскому ономастическому семинару, организованному Институтом этнографии АН СССР и Дагестанским филиалом АН СССР, а также Отделом загс и нотариатом Министерства юстиции СССР.

Ономастика Кавказа впервые стала предметом широкого исследования большого коллектива ученых. О значении семинара говорит то, что в нем участвовало более ста представителей от всех союзных и автономных республик, краев и областей Кавказа. На семинаре прочитано и обсуждено 47 рефератов, посвященных различным разделам ономастики (20 сообщений — по топонимии, 21 — по антропонимии, 3 — по этнонимии, 2 — по теонимии, 1 — по зоонимии). Собран и введен в оборот интереснейший научный материал.

Чрезвычайно ценно, что в работе семинара впервые приняли участие сотрудники загса, которые живо интересовались современным состоянием личных имен, отчества, фамилий и историей их происхождения.

С большим интересом участники семинара выслушали сообщение В. А. Джорбенадзе о работе Топонимической лаборатории Тбилисского государственного университета и выступление Р. М. Юзбашева и Н. И. Мамедова о работе Муганской топонимической экспедиции Института географии АН СССР. Обмен опытом между участниками топонимических экспедиций позволит распространить наиболее удачные приемы сбора топонимов в тех республиках и областях Кавказа, где подобная работа не проводилась.

О некоторых огузо-туркменских этнонимах в топонимии Кавказа рассказала З. Б. Мухамедова (Ашхабад). Она отметила, что в исследуемом регионе встречается целый ряд топонимов, в той или иной степени сходных с отдельными этнонимами, приводимыми Махмудом Кашгарским, Рашид-ад-Дином и автором XVI в. из Несы Салар-Баба. По мнению докладчицы, эти данные помогут установить места расселения огузо-туркменских племен.

В ряде рефератов рассматривался вопрос о влиянии тюркских языков на топонимию Кавказа. И. Х. Абдуллаев (Махачкала) выступил с сообщением «Принципы моделирования названий населенных мест в дагестанских языках», Ш. Ахмедовым и К. Ш. Микайловым «Несколько слов об агульских топонимах», Р. Гайдаровым «Некоторые особенности лезгинских микропонимов», Г. Х. Ибрагимовым «К этимологии гидронима Самур», Я. Г. Сулеймановым «Опыт объяснения названий нахско-дагестанских аулов» и др. В. К. Котович в докладе «О некоторых топонимах ранне-средневекового Дагестана» показал, что без тщательного изучения широкого круга письменных источников, данных археологических раскопок невозможно дать объяснение топонимов и, в частности, рассмотренных им раннесредневековых топонимов: Варачан, Баланджар и Таргу.

Значительное число основанных на богатом местном топонимическом материале рефераторов, различных по своей тематике, прочитано дагестанскими учеными: М. Исаевым и К. Ш. Микайловым «Кое-что из аварской ономастики», Ш. Ахмедовым и К. Ш. Микайловым «Несколько слов об агульских топонимах», Р. Гайдаровым «Некоторые особенности лезгинских микропонимов», Г. Х. Ибрагимовым «К этимологии гидронима Самур», Я. Г. Сулеймановым «Опыт объяснения названий нахско-дагестанских аулов» и др. В. К. Котович в докладе «О некоторых топонимах ранне-средневекового Дагестана» показал, что без тщательного изучения широкого круга письменных источников, данных археологических раскопок невозможно дать объяснение топонимов и, в частности, рассмотренных им раннесредневековых топонимов: Варачан, Баланджар и Таргу.

С интересным сообщением «О новом в советском законодательстве о личных именах, отчествах и фамилиях» выступил Н. А. Бельк (Москва), М. М. Гусейнов рассказал о том, как изменились личные имена в Азербайджане в 1970 г.

На семинаре развернулась дискуссия по актуальным для многоязычного Кавказа проблемам транскрипции личных имен и фамилий. Во время обсуждения докладов по антропонимии в центре внимания ученых были вопросы именобразования у народов Кавказа и народов других регионов.

К. Т. Рамазанов (Баку) прочел реферат «Мужские и женские имена в Азербайджане», З. А. Садыхов (с. Хачмас Азербайджанской ССР) «Об азербайджанской антропонимии», М. Мамедов (Баку) «О личных именах ираноязычных халаджей».

О некоторых новых именах у дагестанцев рассказала У. А. Майланова (Махачкала), о личных именах адыгейцев — З. У. Блягоз (Майкоп). Некоторые особенности аварской антропонимии коснулся в своем выступлении М. С. Саидов (Махачкала). Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода стала предметом исследования Т. З. Козыревой (Орджоникидзе).

Ряд рефератов был посвящен изучению прозвищ — теме, не рассматриваемой ранее в таком объеме. С. М. Гасанова (Махачкала) выступила с докладом «Прозвище — как один из источников пополнения дарбинского именника», В. А. Флоровская (Майкоп) сообщила о прозвищах в русских говорах Кубани.

Положительно в работе семинара было то, что на нем прозвучали доклады, посвященные ономастике некавказских народов. К. З. Закирьянов (Уфа) рассказал о составе башкирского именника и о фонетической передаче башкирских личных имен на русский язык, Т. Х. Кусимова (Уфа) — об антропонимах в башкирских шеджере, Дж. Б. Логашова (Москва) — о современном именнике иранцев, А. Н. Зубков (Москва) — о личных именах в Индии.

Другим проблемам ономастики, к сожалению, было посвящено незначительное число рефератов. По этнонимии заслушаны доклады М. Атарова (Махачкала) «К истории этнонима маарулал (аварцы)», К. З. Чокаева (Грозный) «Некоторые древние названия нахских племен», М. М. Ихилова (Махачкала) «Происхождение термина „тат“».

Некоторые вопросы теонимии освещались в рефератах докладчиков из Махачкалы: Я. Г. Сулейманова «Теоним Цабор в индийских языках» и К. Ш. Микайлова «О следах древних теонимов в некоторых кавказских и русском языках». Эти же авторы представили доклад «Агульские зоонимы».

Участники с большим вниманием и интересом прослушали курс лекций В. А. Никонова по антропонимике и топонимике.

На заключительном заседании 13 апреля были подведены итоги работы и принято постановление, в котором говорится, что семинар прошел на высоком научном уровне.

С особым удовлетворением было отмечено, что на семинаре были установлены тесные связи ученых с практическими работниками, а также положено начало работе по созданию общесоюзного справочника личных имен. Ученым было предложено выработать критерий оценки личного имени, разработать для всех языков Кавказа транскрипцию личных имен и фамилий. Одобрив проведение Кавказского ономастического семинара Президиум Дагестанского филиала АН СССР постановил издать сборник трудов семинара «Ономастика Кавказа», а также выразил надежду, что научные контакты, установленные на семинаре, станут еще шире и теснее.

Дж. Б. Логашов

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР»

С 1 по 5 февраля 1971 г. в Ленинградском отделении Института этнографии проходила вторая научная конференция «Этнография и фольклор», посвященная обрядам и связанному с ними фольклору. В работе конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Риги, Таллина, Тбилиси, Еревана, Кишинева и других городов. Всего на конференции было заслушано 52 доклада.

Открывая конференцию, Л. М. Сабурова (Ленинград) подчеркнула важность поставленной проблемы и отметила, что в обрядах связь фольклора с этнографией особенно тесная и изучать их можно только комплексно. Это положение нашло подтверждение во всех докладах. О закономерностях связей фольклора с этнографией говорил Б. А. Акцорин (Йошкар-Ола), считающий, что фольклор и этнография представляют диалектическое единство. Чтобы понять глубокий смысл отдельных фантастических образов фольклора, его символику и другие элементы, сохраняющие порой древнейшие представления, надо изучать его комплексно, учитывая данные этнографии, истории, археологии, психологии, социологии и других наук.

О задачах и методах картографирования фольклора говорил К. В. Чистов (Ленинград). Он рассмотрел возможность применения методики картографирования элементов материальной культуры при картографировании обрядов и обрядового фольклора, а также рассказал об опыте картографирования обрядов в современных зарубежных этнографических и лингво-этнографических атласах. Исходя из некоторых методических соображений и учитывая состояние источников, докладчик считает, что картографирование русских обрядов целесообразнее начать со свадьбы. Картографирование должно охватывать как элементы материальной культуры (свадебную одежду, пищу и пр.), так и все разнообразие фольклорные элементы (сюжеты свадебных песен, напевы, особенности причитаний и пр.).

Э. В. Померанцева (Москва) сообщила об огромном и весьма ценном материале по обрядовому фольклору, собранному в 90-х годах XIX в. Этнографическим бюро В. Н. Тенишева, который хранится в архиве Государственного музея этнографии. Особенно широко представлены в собрании календарные обряды, зафиксированные в 16 губерниях, причем в двух из них народный календарь записан полностью. Данные Тенишевского бюро — уже готовый материал для классификации и картографирования обрядов.

А. А. Одабашян (Ереван) в докладе «К картографированию календарного фольклора армян» охарактеризовал различные жанры армянского обрядового фольклора и показал, как в нем отражаются многие стороны материальной и духовной жизни человека. Ш. А. Салакая (Сухуми) говорил о специфических особенностях обрядового фольклора абхазов, связанного с древней формой хозяйственной деятельности — охотой.

Несколько докладов было посвящено новогодним обрядам. Г. И. Спатару (Кишинев) рассмотрел исторически сложившийся комплекс новогодней обрядности молдаван, включающий игры, ряжение, колядование и представление народных драм. М. Н. Бэешу (Кишинев) остановился на особых новогодних песнях «орациях» и традиционном обряде «плугушор» («плуг») — символической инсценировке пахоты перед окнами дома, сопровождаемой песней, рассказывающей историю хлеба.

З. И. Власова и В. В. Коргузалов (Ленинград) рассказали об обнаруженном ими в ряде деревень Новгородской области интересном обряде «Похороны дударя» и связанной с ним песне, исполнявшейся на святах. М. Б. Руденко (Ленинград) проанализировала обряды курдов, сопровождающие новогодний праздник «ноуруз» (2 марта), символизирующий возрождение солнца и обновление природы. В этих обрядах отразились доисламские верования и культы, сходные с обрядами календарных турналей и др. Ю. В. Попович (Кишинев) в докладе «О существовании древнего праздника солнца на территории восточно-романских народов» остановился на обрядах